

УДК 94(470.41-25):008"18"

**КАЗАНЬ – ВОСТОЧНЫЙ ГОРОД?
(на материалах путеводителя 1873 г.)**

Э.М. Дусаева, Н.И. Ханбекова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Путеводитель – одна из самых жанрово определенных форм историко-просветительского творчества. На примере текста «Указателя исторических достопримечательностей Казани» профессора С.М. Шпилевского рассматриваются информационный потенциал и значимость путеводителя для формирования в обществе исторических представлений. Поскольку во времена С.М. Шпилевского жанр путеводителя только переживал свое становление, особое внимание в ходе исследования уделяется присутствию или отсутствию в данном сочинении признаков жанрового стандарта. Теоретической основой работы выступают методы структурного анализа, семиотики и конструирования исторической памяти. Анализ текстовых особенностей «Указателя» позволил выделить следующие характерные приемы формирования образа Казани: отбор объектов, их маркировка от более значимого к менее значимому, исторический порядок дискурса описываемых событий и мест, использование определенного стиля изложения и идеологизированных антитез «свое – чужое». Сделан вывод о том, что описать Казань в рамках европейской традиции не представляется возможным, она предстает «своим» Востоком, Востоком, который не пугает. Казань – это прирученный Восток, Восток в европейской одежде, а татары, живущие в городе, хотя и чужие, но не чуждые.

Ключевые слова: история, путеводитель, образ города, Казань, памятники, Восток

Казань – столица Республики Татарстан, город-миллионник, расположенный на р. Волге. В 2005 г. он отметил свой тысячелетний юбилей. В последние 3–5 лет город ежегодно посещают около 3 млн туристов [1]. Их привлекает не только широко известная поликонфессиональность города, но и его репутация в СМИ как «Другого», «интересного», «чистого», «дружного», «спортивного» и, наконец, «восточного». Казань стала своеобразным символом диалога западной и восточной культур; городом с минаретами, знаменитой мечетью Кул-Шариф, базаром, громко звучащей татарской речью, восточными сладостями и гостеприимством. Многими сегодня она воспринимается как восточный город в самом центре России. В эпоху становления и развития Российской империи Казань трансформировалась в уютный, домашний Восток, который, может быть, местами и не до конца понятен, но, во всяком случае, не пугает. Образ Казани – восточной стал сегодня своеобразным маркетинговым ходом и активно используется в презентации города [2].

Главный помощник любого туриста до времени повсеместного распространения Интернета – путеводитель – печатное издание, специально предназначенное

для самостоятельного знакомства с городом. В фондах Национальной библиотеки Республики Татарстан к категории «путеводители по Казани» можно, так или иначе, отнести 59 изданий. Самым ранним из них стал подготовленный к Съезду общества естествоиспытателей в 1873 г. [3] ординарным профессором Императорского Казанского университета С.М. Шпилевским¹ «Указатель исторических достопримечательностей...» (ШУД). Хотя в заглавии слово «путеводитель» не использовано (во второй половине XIX в. в Европе только идет становление современного типа путеводителя – бедекера [6, с. 7–8; 7, с. 16–17]), однако функционально («вожу по пути», «указываю на важные памятники и места») «Указатель» вполне соответствует жанру.

История, структура, потенциал и жанровое своеобразие путеводителя тщательно анализировались рядом исследователей Тартуского университета в 2007–2008 гг. в рамках проекта «Репрезентация Эстонии в иноязычных путеводителях XIX – XXI вв.: риторика и идеология». Наиболее интересным в подходе тартуских специалистов представляется анализ семиотического потенциала путеводителя, проявляющегося в изначальной его способности влиять на восприятие информации читателем. В частности, анализируется направляющая функция путеводителя как семиозиса; его способность оценивать описываемое пространство через отбор объектов, их маркировку от значимого к незначительному, порядок дискурса описываемых событий, мест, использование в тексте определенного стиля изложения и антитез «свое – чужое», что формирует идеологию [7, с. 18–19].

Анализируемое издание предстает перед читателем по форме тоненькой книжицей размером с ладонь, а по содержанию скорее научным докладом на историческую тему (или историческим очерком), ориентированным на читателя с высоким уровнем образованности. Он изобилует отсылками к авторитетам, историкам В.М. Соловьеву и Н.М. Карамзину, содержит подробную библиографию почти по каждому разделу, что приближает текст к типу исторического нарратива; одновременно отсутствует какая бы то ни было информация досугового характера (время работы и наличие ресторанов, театров, парков, медучреждений и пр.). Автор определяет функцию «Указателя» так: «...Мог бы служить руководством для ознакомления с городом лиц имеющих приехать в Казань на съезд» (ШУД, с. 3).

В «Указателе» отсутствует оглавление, текст разделен по тематико-хронологическому принципу. Для удобства анализа схематически его можно представить следующим образом:

1.	«Название Казани, старая и новая Казань, развалины Болгар»	С. 5
2.	«Татарские предания, Сумбекина башня»	С. 7
3.	«Русские предания о разбойниках»	С. 9
4.	«Памятники завоевания Казани. Проломная улица»	С. 10
5.	«Спаская церковь (Военная)»	С. 12
6.	«Церковь Киприана и Устиньи»	С. 12
7.	«Кафедральный Благовещенский собор»	С. 13
8.	«Зилантов монастырь»	С. 14

¹ Сергей Михайлович Шпилевский (8 мая 1833–21 июля 1907) – русский историк, специалист по истории права, ранней истории и археологии Поволжья, Волжско-Камской Болгарии. Профессор Казанского университета (1870–1885), затем – директор юридического лицея в Ярославле (1885–1904) [4]. Работа С.М. Шпилевского «Древние города и другие Булгаро-Татарские памятники в Казанской губернии» (1877) [5] – важный свод исторических источников и археологических памятников.

9.	«Памятник в честь убиенных при взятии Казани»	С. 15
10.	«Крепость или кремль»	С. 17
11.	«Очертание старого деревянного города»	С. 18
12.	«Спасо-Преображенский монастырь»	С. 20
13.	«Иоанно-Предтеченский монастырь»	С. 22
14.	«Федоровский монастырь»	С. 23
15.	«Девичий Богородицкий монастырь. Чудотворная икона Казанской Божией Матери»	С. 23
16.	«Волнения в инородческом Казанском крае. Городская колонизация»	С. 26
17.	«Монастырская колонизация. Монастыри: Седьмиозерный, Раифский и Кизический»	С. 28
18.	«Просвещение инородцев, миссионерство, инородческие школы, отпадения от христианства»	С. 30
19.	«Духовная семинария и академия»	С. 35
20.	«Гимназии. Казанская гимназия до закрытия ее в 1788 г.»	С. 38
21.	«Возобновленная гимназия до основания Казанского университета 1804 г.»	С. 39
22.	«Гимназия, соединенная с университетом (1804–1814)»	С. 41
23.	«Гимназия с 1814–1835 (Магницкий)»	С. 41
24.	«Гимназия с 1835 г. (основание 2 гимназии)»	С. 43
25.	«Университет. Попечительство Румовского (1804–1812)»	С. 45
26.	«Попечительство Салтыкова (1812–1818)»	С. 46
27.	«Время Магницкого»	С. 48
28.	«Окончательная организация университета при Мусине-Пушкине»	С. 52
29.	«Университетская библиотека»	С. 54
30.	«Историко-этнографический музей»	С. 54
31.	«Ученые общества и периодические издания в Казани»	С. 56
32.	«Театр»	С. 57
33.	«Женские учебные заведения»	С. 60
34.	«Памятники пребывания в Казани Петра I, Екатерины II, Павла I, Николая I: Суконная фабрика, Петропавловский собор, галера Тверь и пр.»	С. 60
35.	«Окрестности Казани. Арское поле»	С. 62
36.	«Швейцарии»	С. 64
37.	«Пороховой завод»	С. 65
38.	«Услонские горы»	С. 66

Как видим, текст указателя разделен на 38 подтем, которые можно условно объединить в 4 главные темы:

1) Памятники древней и средневековой Казани (п. 1–3) – 5 страниц от общего объема текста;

2) Объекты православной религии (п. 4–19) – 29 страниц от общего объема текста;

3) Светская городская культура (образование, театр; п. 20–33) – 22 страницы от общего объема текста;

4) Отдельные памятные объекты и окрестности города (п. 34–38) – 7 страниц текста.

Очевидно, что автор в оглавлении никак не высвечивает особенности Казани как «восточного» города. Возникает вопрос, воспринимает ли автор Казань как восточный город и, если да, то каким образом это реализуется в тексте?

В качестве вступления автор указывает, что название города происходит от татарского слова «казан», то есть котел, и связывает это с рельефом местности

в виде котлована (ШУД, с. 5). Время основания города автор считает точно не установленным: «Одни приписывают основание ее Батью... другие относят это ко времени после нашествия Тамерлана. Во всяком случае Казань [по]является после разгрома Татарами Волжско-Камского царства Болгар, которое до того существовало уже несколько веков, было знаменито своею торговлею и должно было уступить свое место Казанскому царству Татар. Памятником столицы прежнего царства Болгар остаются только немногие развалины, которые находятся 100 верст ниже Казани, в 6 верстах от левого берега Волги. Несмотря на указы Петра I и Екатерины II о поддержании остатков этой древности, они истребляются все более и более» (ШУД, с. 5–6).

В таком ключе, кратко и сжато, не вдаваясь в подробности, в 13 предложениях излагается история Казани до 1552 г., данный период истории края дается «широкими мазками». Возможно, С.М. Шпилевский, автор признанного классическим труда «Древние города и другие Булгаро-Татарские памятники в Казанской губернии» [5], полагал, что участникам съезда естествоиспытателей эта информация не покажется интересной? Тем более что памятников не осталось: «Все исторические памятники Казани принадлежат к русскому периоду истории Казани, большинство их получило начало с первых дней завоевания города. От древнего, татарского периода мы не имеем вещественных памятников, сохранились только предания, которые идут из старины глубокой» (ШУД, с. 7). К татарским преданиям С.М. Шпилевский относит легенду о змее – Зиланте (Зилантов монастырь, происхождение герба), легенду о злой волшебнице на дне озера Кабан (название озера объясняется через обилие живущих в окрестностях диких свиной), которая «не хотела пережить падения Казани; поклялась мстить Русским, бросилась в Кабан и поныне тянет на дно купающихся» (ШУД, с. 7), и легенду о царице Сююмбике и башне в крепости, якобы построенной по ее приказу. Ученый опровергает легенду о построении башни казанской царицей, подробно описывая борьбу за власть в период жизни Сююмбике (ШУД, с. 7–9), и присоединяется к тем, кто считает «невозможным, чтобы Иоанн IV, истребивший все дома, мечети и гробницы татарских царей, оставил эту башню» (ШУД, с. 8). При этом он конкретизирует, что башня Сююмбике является для татар важным памятником, местом совершения пятничной молитвы (ШУД, с. 8–9). Любопытно, что даже сегодня, когда уже давно доказано хронологическое несоответствие между временем возведения башни и событиями, о которых столь красочно повествует легенда [8, с. 124], татары, приезжающие в Казань на экскурсию, с недоверием выслушивают рассказ экскурсовода, оставаясь при своем мнении, убежденные в истинности легенды.

Данный краткий очерк С.М. Шпилевского о татарском компоненте в ранней истории Казани вполне соответствует законам жанра и ориентирован на читательский интерес.

Следующий блок материалов объединен темой распространения православия и русской культуры на территории края и их выражения в архитектуре города. Здесь автор активно использует эпитеты, эмоционально окрашивая повествование: «*Важнейшие* исторические памятники Казани принадлежат ко времени *завоевания* Казани, они являются свидетелями того *великого* в русской истории события, когда *Москва* в первый раз не только *успешно* отразила *татарские*

полчища, как было, напр. при *Дмитрии Донском* и несколько раз после него, но “завоевала целое татарское царство”. Издавна *Азия* устраивала здесь *притон* (в смысле – «пристанище», «прибежище». – Э.М., Н.Х.) не для кочевых орд только, но для своей *мусульманской цивилизации*; здесь *Азия* под знаменем *Магомета* билась за свой последний оплот против *Европы*; здесь *христианство* столкнулось с *басурманством*, первое победило, открылся свободный путь *христианской цивилизации на Восток*»² (ШУД, с. 10).

Текст С.М. Шпилевского изобилует противопоставлениями: было – стало, до – после, мы – они, Азия – Европа, христианство – ислам. Полярность отношения автора четко отражена в эпитетах, применяемых при характеристике событий или конструировании образов: «Важнейшие памятники... ко времени завоевания Казани», «завоевание Казанского царства – великое событие», «Москва завоевала целое татарское царство», «христианство столкнулось с басурманством», «христианство победило», «открылся свободный путь христианской цивилизации на Восток». Оговоримся, что простонародное слово «басурманство» несет некоторый негативный окрас, автор не использует слово «магометанство», широко распространенное среди, например, миссионеров. Используя эпитеты и антитезу, он переносит региональный междоусобный конфликт в плоскость цивилизационного столкновения культур на религиозной основе. А в итоге просто подменяет констатацию естественного процесса продвижения русской культуры на Восток эмоциональным принятием экспансии христианской цивилизации, что явно выдает характерные для эпохи имперские настроения. Экономические причины расширения московского княжества на Восток автором не указываются, из текста следует оправдание процесса религиозной миссии, а также ходом развития европейской цивилизации в целом. Казань до 1552 г. всегда представляется как татарская; границы города после 1552 г. конструируются глаголами негативного оттенка «завоевана Казань», «татары были выгнаны русскими» (ШУД, с. 19–20).

С.М. Шпилевский подробно (более трети от общего объема текста) описывает колонизацию «иностранческого населения», прямо так ее и называя в тексте – «колонизация» (ШУД, с. 26–27).

«[Восстания] начались тотчас по удалении *завоевателей*: Черемисы и другие иностранцы волновались пять лет с 1552–1557; в 1556 возмутились Казанцы-магометане, по усмирению их, они были *выселены* из города и образовали особую слободу, ныне Старая Татарская; все татарские мечети в городе были *уничтожены*. <...> Окончательное *покорение* этого края последовало только после усмирения Пугачевского бунта. Но *нерасположение* иностранческого населения к *господствующей народности и государству* обнаруживалось и в последнее время» (ШУД, с. 27). Автор пишет с точки зрения господствующей стороны и не скрывает этого, используя антитезу «покоренный – господствующий», подчеркивая репрессивный характер складывавшихся отношений. Комментируя переход казанских татар на сторону турков в русско-турецкой войне 1853–1856 гг. и отказ сражаться на стороне России, С.М. Шпилевский приводит цитату знатока

² Здесь и далее курсив наш. – Э.М., Н.Х.

местного края А.И. Артемьева об «уверенности татар в восстановлении своей самостоятельности» (ШУД, с. 28).

Описывая дальнейший ход «колонизации», «покорения», «завоевания», С.М. Шпилевский приводит слова Ивана IV после возвращения из последнего удачного казанского похода: «Да познают Бога истинного неверные новые наши подданные», – и описывает его наказ первому казанскому архипастырю, основателю казанской епархии святителю Гурию: «...Для успешнейшего покорения Татар христианству: он (Гурий) должен стараться приобрести любовь и доверие к себе Татар, печаловаться об обвиняемых и осужденных гражданским судом, особенно, если последние согласятся креститься; приходящих к нему за каким-нибудь делом он должен ласкать и угощать; убеждать к принятию христианства тихо, а жестокостью с ними не говорить; крестить только добровольно желающих этого и убежденных в истине христианской веры. Нельзя не признать вполне разумными эти наставления царя» (ШУД, с. 30).

В контексте общей линии исторических событий – Азия угрожала, Европа (= русские = христианская цивилизация = Российская империя) победила – выстраивается и образ Ивана IV: поначалу было сложно, но мудрый царь справился. Описание изначального противостояния двух полярностей (татары – русские) автор заменяет рассказом о путях их сосуществования, сглаживания острых углов, притирания друг к другу в течение следующих трех столетий. Заканчивается же этот рассказ историей объединения всех народов Поволжья вокруг образа казанской иконы перед лицом польской интервенции в период Смуты: «Мы, всякие люди, вся земля Казанского государства, и князя, и мурзы, и Татары, и Чуваши, и Черемисы, и Вотяки сослалися с Нижним Новгородом и со всеми городами повольскими, и горными, и луговыми, и с горными и луговыми Татарами, и с луговою Черемисою, положили на том, что нам быть всем в совете и в соединеньи, и за *Московское* и за *Казанское государство* стоять, и друг друга не побивать и не грабить, дурна ни над кем не делать» (ШУД, с. 24–25).

Автор подробно воссоздает процесс укоренения русской культуры и православия на территории Казанского края, делая акцент на миссионерстве, его методах, успехах, провалах и, как следствие, появлении миссионерских школ и духовной семинарии, называя ее «праматерью всех казанских учебных заведений» (ШУД, с. 37), плавно переходя к теме светского образования в Казани – третьему блоку подтем в «Указателе».

Присутствует ли восточный, татарский компонент в облике Казани в теме светского образования? С.М. Шпилевский излагает историю возникновения казанских гимназий и университета, перечисляя директоров этих учебных заведений. Так, он указывает, в частности, на М.И. Веревкина – первого директора казанской гимназии, который считал, что «здешний город есть главный город целого царства татарского национального диалекта. Не повелено ли будет завести в гимназии класс татарского языка! со временем на оном отыскиваемы быть могут многие манускрипты: правдоподобно, что оные подадут некоторый может быть не малый свет в русской истории» (ШУД, с. 39). Складывается впечатление, что образованная часть казанского общества рассматривала татарскую культуру как предмет научного этнографического интереса. «В 1807 г. основана при университете русская типография, а с 1811 г. при нем начинается

издание Казанских известий, которые в 1809 г. по представлению Казанского губернатора Мансурова, предполагалось издавать даже на русском и татарском языках» (ШУД, с. 46).

Интересным представляется взгляд членов общества любителей отечественной словесности (было организовано в 1814 г. на базе университета) на национальную мозаику региона: «Мы живем... между многими иноплеменными народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, Чуваши, Черемисы, Мордва, Зыряне окружают нас. Армяне, Персияне, Башкирцы, Калмыки, Бухарцы и Китайцы ближе к нам, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь касательно языка или словесности их сношения и из одного делать употребление. Как полезно собирать различные песни сих народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т. п. и все сие еще весьма ново» (ШУД, с. 47). Здесь показательно использование словосочетания «оказывают нас», что снова отсылает к имперской по своей сути антитезе «мы – они», но без негативного оттенка, скорее с желанием изучать, но не ассимилировать или синтезировать. Независимо от личных взглядов русского и православного автора С.М. Шпилевский-ученый не может игнорировать восточную составляющую в истории Казанского университета: «Особенность Казанского университета, так же как и первой Казанск. гимн., сравнительно с другими университетами и гимназиями, представлялась в преподавании в первых восточных языков; но в 1854 г. высочайше повелено перевести Восточный факультет из Казани в СПб. унив. <...> С переводом в СПб. Восточного факультета библиотека Казанск. унив. лишилась и богатейшей коллекции рукописей и книг, относящихся к изучению Востока, перевезенной в СПб. университет» (ШУД, с. 53–54).

Однако при описании состава коллекции кабинета редкостей Казанского университета, впоследствии Историко-этнографического музея, дается подробное описание в первую очередь коллекций И.М. Симонова (кругосветное путешествие Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 1819–1821 гг. в поисках Антарктиды, этнографический материал народов островов Океании), О.М. Ковалевского (четырёхлетнее путешествие в Сибирь, Забайкалье, Пекин, Тибет, Бурятию, этнография китайской, маньчжурской, монгольской, буддийской культур), лейтенанта Д.Ф. Зарембо (костюмы и редкости американских племен), профессора минералогии П.И. Вагнера (египетские мумии). Эти многочисленные артефакты мировой культуры дополнены костюмами разных национальностей местного края, которые передал в кабинет профессор С.В. Ешевский (ШУД, с. 55).

Подобное предпочтение при описании коллекций вполне объяснимо с позиции аудитории, к которой «Указатель» был обращен, состоящей из ученых – носителей европейской культуры: они смогут на примере богатейших артефактов оценить и статус Казанского университета с точки зрения мировой культуры, и его специфику как восточного вуза империи. Видимо, лично С.М. Шпилевскому как православному русскому человеку татары и татарская культура не очень важны, но они важны ему как ученому и историку в качестве составной части Российской империи.

Тема образования в Казани у С.М. Шпилевского тесно переплетается с историей возникновения городского театра, с первыми спектаклями на базе духовной семинарии, а потом гимназии. Показательно описание банкета в честь

утверждения театральной труппы при гимназии: «В 1760 г. при утверждении нового штата гимназии куратор Московского университета Шувалов предписал директору гимназии Веревкину отпраздновать эту милость императрицы Елизаветы самым блистательным образом. Веревкин, в исполнение предписаний куратора, устроил благодарственный молебен с пушечною пальбою, произнесение речей, обед на 117 чел... и после обеда представлена была комедия Мольера “Школа мужей”. Веревкин, описывая Шувалову это празднество, говорит: “Вот и в *Татарии* Мольер уже известен”» (ШУД, с. 57–58).

Говоря о взаимодействии татар и русских на бытовом уровне, С.М. Шпилевский приводит следующий случай из истории казанского губернского театра: «...Рассказывают одно событие, характеризующее тогдашние понятия и религиозное направление Казанских Татар. Есипов поставил однажды на сцену трагедию Магомет, в театре было много Татар. Едва увидели они на сцене чалму Магомета и произнесено было имя его, между ними началось смятение: с криками: алла! алла!.. они бежали из театра; другие, люди более простые, вообразили настоящего Магомета, который пришел для укоризны их за посещение иноверного собрания, они падали ниц и сбрасывали свои туфли, тоже с криками: алла! С этого времени Татары долго не посещали театр, который и в настоящее время посещается немногими Татарами. О Казанских Татарах должно вообще сказать, что они никогда не показываются в какие-нибудь собрания Русских, живут особняком, в своих слободах, своим обществом. Исключение из этого представляют очень немногие» (ШУД, с. 59). Подобный опыт взаимодействия культур подталкивает к выводу, что условий для возникновения неких синтезных явлений пока нет, как не было их и двести, и четыреста лет назад. Во времена присоединения Казани, в условиях войны, разделение людей разной этнической принадлежности было стратегическим условием для удержания завоеванной территории, недопущения ассимиляции. Но ведь к моменту публикации путеводителя С.М. Шпилевского уже прошла эпоха Екатерины Великой с ее указом о веротерпимости 1783 г.; в Казани уже жил и работал профессор Казанского университета Карл Фукс, написавший и издавший первый этнографический очерк о казанских татарах [9]; в Обществе любителей истории, археологии и этнографии при Казанском университете уже известны исследования Шигабутдина Марджани по вопросу этногенеза татарского народа [10; 11; 12, с. 274, 276]. Из текста же С.М. Шпилевского вырисовывается образ взаимоотношений между живущими в регионе народами такой, как будто они знают о существовании друг друга в общих чертах, но потребности в более глубоком общении у них нет. Как нет у автора путеводителя и стремления специально акцентировать внимание читателя на тех самых «восточных» чертах города, которые сегодня стали его брэндом.

С.М. Шпилевского просили описать памятники города, а он в итоге создает историю Казани. Рисуя образ Казани, он подгоняет ее под идеальный тип европейского города со своими стандартами описания: история возникновения, сфера образования, театр, культура, досуг, главные храмы, главные люди, посетившие этот город и тем самым добавившие ему значимости. Описывая Казань через историю городских институций, ученый, по существу, создает научный исторический текст с четкой хронологической структурой, библиографией по каждому

разделу, оформленным справочным аппаратом. Когда он пишет название народа, то пишет его с заглавной буквы, как принято в Европе. Не зная законов жанра, он делает руководящим принципом в отборе объектов и сюжетов принадлежность их к европейской культуре. А как же восточная компонента? Ведь самая важная предпосылка для создания С.М. Шпилевским своего «Указателя» – показать читателю, что Казань – это город на востоке Российской империи. Однако при наложении «европейской оптики» на Казань восточная специфика города меркнет. Восток в его описаниях присутствует, однако, что это за Восток и как к нему относиться, автор не знает.

И вдруг в конце своего путеводителя, описывая окрестности Казани, С.М. Шпилевский сам же опровергает то, чему посвящены предыдущие 60 страниц, и ставит под сомнение ту европейскую систему координат, в которую он старательно вписывает Казань. И тогда он сообщает, что «на некоторых иностранных географических картах здесь проводится черта, отделяющая Европу от Азии», что Казань заслонена от Европы стоящими «перед Волгою» Услонскими горами, и задается закономерным вопросом: «Где же мы?» (ШУД, с. 66).

И тогда Казань предстает таким домашним, «своим» Востоком. Этот Восток не пугает, но по-прежнему не очень понятен. К тому же это не Персия или Туркестан, куда не каждый европеец отважится отправиться, Казань – это прирученный Восток. То есть татары, живущие в Казани, для С.М. Шпилевского чужие, но не чуждые. Это Восток, хотя и в европейской одежде. Реальность, как всегда, оказалась богаче предложенной схемы, пусть даже очень актуальной. И реальность эта и сегодня формулирует для нас тот же вопрос, отнюдь не праздный и избыточный: где же мы?

Источники

ШУД – *Шпилевский С.М.* Указатель исторических достопримечательностей города Казани. – Казань: Унив. тип., 1873. – 67 с.

Литература

1. Об итогах развития туризма в г. Казани в 2017 году и планах на 2018 год // Доклады с ДП. – 2018. – 29 янв. – URL: <https://www.kzn.ru/meriya/press-tsentr/doklady-s-dp/ob-itogakh-razvitiya-turizma-v-g-kazani-v-2017-godu-i-planakh-na-2018-god/>, свободный.
2. *Дусаева Э.М., Мамбетова Н.И.* Репрезентация истории Казани в советских и постсоветских экскурсионных практиках // Победа. Наука. Молодежь: Сб. тр. региональной 44-й науч. студ. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 43–45.
3. Съезд русских естествоиспытателей (4; 1873; Казань): Протоколы и речи общих собраний Четвертого съезда русских естествоиспытателей. – Казань: Типолитография К.А. Тилли, 1874. – Вып. 1. – 100 с.
4. *Катанов Н.Ф.* Памяти С.М. Шпилевского // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – 1907. – Т. 23, Вып. 4. – С. 15–23.
5. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие Булгаро-Татарские памятники в Казанской губернии. – Казань: Унив. тип., 1877. – 615 с.
6. *Киселева Л., Пильд Л., Степанищева Т.* Некоторые итоги «путеводительного проекта» // Путеводитель как семиотический объект: Сб. ст. – Тарту, 2008. – С. 7–15.

7. *Киселева Л.* Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект: Сб. ст.– Тарту, 2008. – С. 15–40.
8. *Ситдигов А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: Фолиант, 2006. – 288 с.
9. *Фукс К.Ф.* Казанские татары, в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань: Унив. тип., 1844. – 131 с.
10. *Валиди А.-З.* Марджани в русской исторической литературе // Татарский Геродот: к 200-летию Ш. Марджани: Сб. ст. – Казань: Изд-во Маковского, 2018. – С. 128–129.
11. *Салихов Р.Р.* Творец татарской истории // Татарский Геродот: к 200-летию Ш. Марджани: Сб. ст. – Казань: Изд-во Маковского, 2018. – С. 204.
12. *Юзеев А.* Просветительские аспекты мировоззрения Ш. Марджани // Татарский Геродот: к 200-летию Ш. Марджани: Сб. ст. – Казань: Изд-во Маковского, 2018. – С. 274–279.

Поступила в редакцию
03.09.18

Дусаева Энже Мидхатовна, кандидат культурологии, доцент кафедры всемирного культурного наследия

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: edusaeva@gmail.com

Ханбекова Наиля Ильдаровна, аспирант кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: nailya.khanbekova@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 6, pp. 1526–1536

Is Kazan an Oriental City? (Based on the Guidebook of 1873)

*E.M. Dusaeva**, *N.I. Khanbekova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *edusaeva@gmail.com, **nailya.khanbekova@gmail.com

Received September 3, 2018

Abstract

The guidebook is one of the most genre-defined forms of historical and educational work. Using the example of the text of the “Index of Kazan Historical Sites” by Professor S.M. Shpilevskii, the potential and importance of the guidebook for the formation of historical ideas in society was studied. Since the genre of the guidebook was new during S.M. Shpilevskii’s times, the presence or absence of the signs of a genre standard in this composition were determined. The theoretical basis of the research is the methods of structural analysis, semiotics and memory studies. Based on the results of the analysis of the text of the “Index”, the following methods were distinguished as the characteristic methods of creating the image of Kazan: selection of objects, marking them from more to less significant ones, the historical ideology of the discourse of the events and places described, the use of a certain presentation style and

ideological antitheses “ours” – “foreign”. The obtained results show that it is impossible to describe Kazan in the framework of the European tradition; it appears as “its” Orient, an Orient that does not frighten. Kazan is the tamed Orient, the Orient in Western Costume, and the Tatars living in the city, despite being foreigners, are not alien.

Keywords: history, guidebook, city image, Kazan, monuments, Orient

References

1. On the results of tourism development in Kazan in 2017 and plans for 2018. *Doklady s DP*, 2018, Jan. 29. Available at: <https://www.kzn.ru/meriya/press-tsentr/doklady-s-dp/ob-itogakh-razvitiya-turizma-v-g-kazani-v-2017-godu-i-planakh-na-2018-god/>. (In Russian)
2. Dusaeva E.M., Mambetova N.I. The history of Kazan in Soviet and post-Soviet excursion practices. *Pobeda. Nauka. Molodezh': Sb. tr. regional'noi 44-i nauch. stud. konf.* [Victory. Science. Youth. Proc. 44th Reg. Sci. Stud. Conf.]. Cheboksary. Izd. Chuvash. Univ., 2010, pp. 43–45. (In Russian)
3. *S"yezd russkikh estestvoispytatelei (4; 1873; Kazan'): Protokoly i rechi obshchikh sobranii Chetvertogo s"yezda russkikh estestvoispytatelei* [The Congress of Russian Naturalists (4; 1873; Kazan): Reports and Speeches of the General Meetings Held by the Fourth Congress of Russian Naturalists]. Kazan, Tioilitograph. K.A. Tilli, 1874, no. 1. 100 p. (In Russian)
4. Katanov N.F. In memory of S.M. Shpilevskii. *Izvestiya Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii pri Kazanskom Universitete*, 1907, vol. 23, no. 4, pp. 15–23. (In Russian)
5. Shpilevskii S.M. *Drevnie goroda i drugie Bulgaro-Tatarskie pamyatniki v Kazanskoj gubernii* [Ancient Cities and Other Bulgarian-Tatar monuments in the Kazan Province]. Kazan, Univ. Tip., 1877. 615 p. (In Russian)
6. Kiseleva L., Pil'd L., Stepanishcheva T. Some results of the “guiding project”. In: *Putevoditel' kak semioticheskii ob"ekt* [Guidebook as a Semiotic Object]. Tartu, 2008, pp. 7–15. (In Russian)
7. Kiseleva L. A guidebook as a semiotic object: On the statement of the problem (Using the guidebooks of Estonia dating back to the 19th century as an example). In: *Putevoditel' kak semioticheskii ob"ekt* [Guidebook as a Semiotic Object]. Tartu, 2008, pp. 15–40. (In Russian)
8. Sitdikov A.G. *Kazanskii kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Research]. Kazan, Foliant, 2006. 288 p. (In Russian)
9. Fuchs K.F. *Kazanskie tatarsy, v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [Kazan Tatars, in Statistical and Ethnographic Relations]. Kazan, Univ. Tip., 1844. 131 p. (In Russian)
10. Validi A.-Z. Marjani in Russian historical literature. In: *Tatarskii Gerodot: k 200-letiyu Sh. Mardzhani* [Tatar Herodotus: On the 200th Birth Anniversary of Sh. Marjani]. Kazan, Izd. Makovskogo, 2018, pp. 128–129. (In Russian)
11. Salikhov R.R. The author of Tatar history. In: *Tatarskii Gerodot: k 200-letiyu Sh. Mardzhani* [Tatar Herodotus: On the 200th Birth Anniversary of Sh. Marjani]. Kazan, Izd. Makovskogo, 2018, p. 204. (In Russian)
12. Yuzeev A. Educational aspects in Sh. Marjani's worldview. In: *Tatarskii Gerodot: k 200-letiyu Sh. Mardzhani* [Tatar Herodotus: On the 200th Birth Anniversary of Sh. Marjani]. Kazan, Izd. Makovskogo, 2018, pp. 274–279. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Дусаева Э.М., Ханбекова Н.И. Казань – восточный город? (на материалах путеводителя 1873 г.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 6. – С. 1526–1536. ⟩

⟨ **For citation:** Dusaeva E.M., Khanbekova N.I. Is Kazan an oriental city? (Based on the guidebook of 1873). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 6, pp. 1526–1536. (In Russian) ⟩